

Есть такие натуры, впечатлительные и нервные, на которых какое-то событие оказывает настолько сильное воздействие, что вся их дальнейшая жизнь проходит под знаком случившегося. С людьми творческими такое положение вещей играет, как правило, дурную шутку: они становятся рабами одной идеи, которую уже не в состоянии осмыслить критически. Впрочем, есть и такие, кого подобное положение вещей выводит в люди. Хотя, конечно, никто в этом не признается. Слишком уж подобная теория выглядит плоской.

СТРАННЫЕ МАЛЕНЬКИЕ ДЕВОЧКИ

ТОРИ АМОС

Для Тори Амос, певицы и пианистки, вернувшей в свое время осмысленность понятию "автор-исполнитель", таким событием стало изнасилование, причем совсем уж унижительное и циничное: она, юная участница альтернативной группы "Y Kant Tori Read", после концерта предложила подвезти одного из поклонников в своей машине. Поклонник оказался первостатейным подонком: он вытащил пистолет и изнасиловал девушку, угрожая убить ее, если она будет сопротивляться. Было это в середине 80-х. Ни группа, ни сама Амос не были широко известны, и потерпевшая пожелала все поскорее забыть. Тем более что у нее проблем

хватало и без этого удара. Она ведь была пианистом-вундеркиндом, сидела за роялем с трех лет, а в возрасте пяти поступила в консерваторию в своей родной Северной Каролине. Она могла бы стать знаменитым классическим музыкантом, однако более взрослые ее соученики сбили ее с толку записями "The Beatles" и Джими Хендрикса — дело было в конце 60-х. И вместо того чтобы совершенствовать свою игру на инструменте, 13-летняя девочка принялась писать поп-баллады с твердым расчетом стать рок-звездой. В этом ей выделился смысл жизни. Тогда ее еще звали Мира Элен Амос, и она жила в порядочной глухомани.

Чтобы стать звездой, она сделала ряд радикальных шагов. Она сменила имя на Тори — его придумал молодой человек ее подруги — и поехала из глухомани сперва в Сан-Франциско, а после — в Мекку всех, кто решил стать звездой: Лос-Анджелес. Она записывала демо-кассеты, вдохновенная группой “Culture Club”, и рассылала их по студиям. На одну из этих кассет среагировала фирма “Atlantic” и в 1987 году подписала с ней контракт. Во исполнение контракта и была собрана та самая группа с непроизносимым названием — группа, надо заметить, играла восточный металл, весьма в то время популярный, причем настолько неудачно, что записанная ею пластинка стала полным провалом: ее не ругали — ее просто не заметили. Тутто и появился этот проклятый поклонник; затем “Atlantic” решил дать певице еще один шанс, однако после прослушивания подготовительного материала к новой пластинке президент фирмы раздраженно поинтересовался: “Это что за дерьмо?! Что нам с тобою делать?..” При всей жесткости реакции компания повела себя довольно благородно и дала девушке третий шанс, отправив ее на свои деньги в Европу.

Озарение пришло к Тори именно в Европе: как-то раз она смотрела по телевизору “Тельму и Луизу”, и на нее логичным образом нахлынули воспоминания о перенесенном насилии. И тогда она нарушила клятву никому не говорить о том случае: за день написала песню “Me And A Gun” (“Я и пистолет”) и с этой песней стала знаменитой.

С тех пор ее манера пения и музыкальное мышление особо не менялись, сделавшись крайне узнаваемыми: поначалу ее сравнивали с Кейт Буш, но у нее было серьезное отличие — все ее песни были крайне нервными, часто сюрреалистическими, терзаниями беспокойной души. Их эпатажность служила одной, вполне феминистской цели: довольно истеричным способом доказать миру, что женщина — существо страдающее и независимое. Часто это делалось парадоксальным образом, часто — совершенно традиционным феминистским. Тори была одной из основательниц Организации по предоставлению помощи

жертвам насилия: для нее она произносила речи и отдавала ей в рекламную кампанию свои песни. Другой раз она заявляла, что все женщины в основе своей — лесбиянки, помещала на обложку пластинки свою фотографию, на которой была изображена кормящей грудью поросенка, и советовала Господу Богу заниматься оральным сексом. Словом, это была чистая эскапада изломанного сознания, не считающегося с условностями в своем желании высказать боль. Причем в какой-то момент уже начало казаться, что боли сделалось больше, нежели могло причинить одно событие — вернее, два, ибо в середине 90-х у Тори случился выкидыш, чему она посвятила едва ли не половину пластинки “From A Choirgirl Hotel”. В общем, как показывает опыт, женщины лучше понимают ее, нежели мужчины.

Последняя ее работа, “Strange Little Girls”, в контексте всего вышесказанного выглядит логичным продолжением ее карьеры: пластинка состоит из двенадцати кавер-версий известных песен в истории современной музыки — от сочинений Эми-нема до “The Beatles” и Лу Рида. Основной смысл записи — рассказать истории, обычно повествуемые мужчинами, с женской точки зрения. Теоретически идея крайне занятная, однако Тори вложила в нее слишком много своей личной страсти. Достаточно сказать, что “странными маленькими девочками” она называет сами песни, а в описании своих впечатлений от них пользуется такими восхитительными как с точки зрения логики, так и удобоваримости образами, как “большая вагина в небе над Афганистаном”. Ей бы, очевидно, не помешал психоаналитик — об этом же говорит и музыка: совершенно параноидальные версии песен, слепые намеренным полупшепотом, почти все — очень тихие, такие тихие, какую бывает самая страшная, суицидальная истерика. В каком-то смысле работа эта весьма сильная — во всяком случае, она крайне эффективна, — но от нее веет уже неземным ужасом. Ибо она — порождение полностью замкнутого на своих переживаниях ума.

Впрочем, это тоже урок. Урок того, к каким последствиям приводит насилие. ■